

наука и жизнь

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1965

Вести с ІХ Менделеевского съезда: ученые обсуждают проблему создания синтетической пищи. ◆ Механизм полета насекомых — один из величайших патентов природы. По маневренности и относительной скорости насекомые далеко превос-

Кинорежиссер и кинодраматург Л. ТРАУБЕРГ, один из создателей (вместе с Г. КОЗИНЦЕВЫМ) «Трилогии о Максиме»,—большой знаток приключенческой литературы. Своими мыслями о ней он делится с читателями журнала «Наука и жизнь».

Ошибка

Шерлока Холмса

Леонид ТРАУБЕРГ.

Мистер Невилл Сент-Клер, почтенный журналист и семьянин, намалевал на лице шрам, изуродовал краской губу, надел рыжий парик и лохмотья и в самом оживленном месте Сити стал просить милостыню. К его удивлению, он набрал за день столько же, сколько зарабатывал литературным трудом за неделю.

И благоприличный литератор превратился (на семь часов в сутки) в уродливого

отщепенца.

История о нем поведана миру Артуром Конан Дойлем в рассказе «Человек с рассеченной губой»; рассказ, если хотите, автобиографичен. Сент-Клер вызывал отвращение, но шибко зарабатывал. Конан Дойль, прошлом военный врач, исторический и бытовой романист, мечтавший о лаврах Диккенса, сделался знаменитым, получил дворянство (и, между прочим, огромные гонорары), став одним из создателей детективного жанра.

Непригляден вид жалкого нищего, но что презрение к нему по сравнению с презрением многих к жанру

детектива!

«Я, нижеподписавшийся, прослывший за ученого и даже умного человека, чи-

тал эту рукопись и против воли нашел ее любопытной, занимательной, философичной и достойной внимания даже тех, кто ненавидит романы. На этом основании я обесславил это сочинение и уверил господина Кадиэль-Аскера в том, что оно отвратительно». (Вольтер. Эпиграф к философской повести «Задиг».)

обес-Жанр детектива не без оснований, славлен причислять если К нему произведения таких автокак Флеминг, Спиллейн и иже с ними. Но можно ли по плохим, по существу, ничего общего с детективом не имеющим вещам судить о жанре в целом?

Задумался ли кто-либо о том, какое количество беспардонных виршей опубликовано только в десятилетие, когда творили Блок и Маяковский? Отношение двести — один, вероятно, является преуменьшенным. Но логичен ли будет вывод: поэзия заслуживает осуждения?

Кстати о логике. В редких случаях отчетливо произносится третья буква в названии жанра. Буква «т». Название происходит от английского слова «детектив» — «сыщик». Точнее: от латинского слова «deducere» — «ищу», «обнаруживаю» (в радио — «детектор»)» А произносят не «т», а «д»: «де-дек-тив». И в этой ошибке свой смысл.

«Дедукция» — термин логики, обозначающий выведение одной мысли из другой, делаемое на основании логических законов» (Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона).

Примечательно, что большинство героев «сыщицкой» литературы по профессии не детективы, тем более не полицейские. Инспектор Мэгрэ французского писателя Жоржа Сименона исключение, подтверждающее правило. Для того, чтобы агент полиции Кафф принял участие в поисках Лунного камня, ему пришлось стать бывшим агентом ².

Конечно, родство со Скотлэнд-Ярдом 3— тяжкий грех. Еще более тяжкий — родство с выпусками в аляповатых обложках, повествующими о борьбе знаменитого сыщика Ника Картера с демонической Ирмой Дацар.

Но только ли сыщики —

Ник Картер, Нат Пинкертон, Пат Коннер — в этой родне? Король задает загадки мужику. Их разгадывает дочь мужика. Король велит ей явиться во дворец ни пешком, ни на лошади, ни нагой, ни в платье, ни с пустыми руками, но и не принеся ничего. Девушка приезжает на козе, одетая в густую сеть, передает ко-

Хитроумный Улисс... • Гомерова «Одиссея» не только эпопея о скитаниях героя, это и гимн изворотливости (хотя бы спасение от злого циклопа Полифема!). Но что Улисс! Сами боги изощряются в хитроумии.

ролю жаворонка, который

тут же улетает.

Вот сюжет пьесы Софокла «Следопыты».

Бог Аполлон потерял священных коров. Сатиры ищут их по следам («Нюхом запах в воздухе ловя, на корточках, лицом земли почти касаясь, отпечатков слабых и обонянием ища и взором»—

¹ Сити — деловой квартал Лондона.

^{2 «}Лунный камень» роман английского писателя Уилки Коллинза (1824—1889). 3 Полицейское управлеппе Лондона,

чем не излюбленная поза Холмса на работе?). Следы спутаны, назад глядит копыто. Укравший стадо бог Гермес убил половину коров, содрал с их ног кожу и надел, как чулки, оставшимся назад копытами!

Надо оговориться: для детективного рассказа такая ситуация — преступник одерживает верх — не характерна. В подлинном детективе защитник справедливости, человек, идущий по следу преступников, всегда — герой, неизменно выходящий победителем в борьбе с ними.

Презирая охранителей буржуазного строя, полицейских ищеек, народ восхищается теми, кто борется с преступниками, почитает хитроумных следопытов, людей, умеющих дедуктивно мыслить и детективно искать.

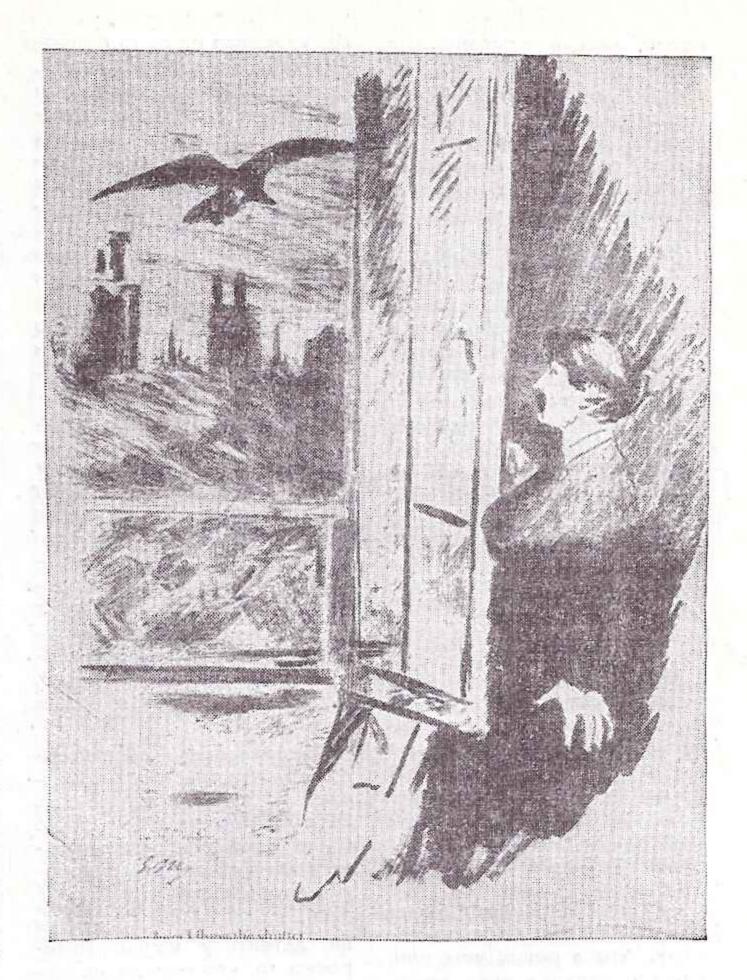
Чтили их и великие писатели.

«...Молодой человек, сказал ему первый евнух,не видели ли вы кобеля царицы?» Задиг скромно отвечал: «То есть суку, а не кобеля». «Вы правы», — отвечал первый евнух. «Она очень маленькая болонка,прибавил Задиг, — недавно ощенилась, хромает на левую переднюю лапу и имеет очень длинные уши». «Вы видели ее?» — сказал евнух, едва дыша от усталости. «Нет,— отвечал Задиг, — я никогда не видел ее и даже не знал, что у царицы есть собака».

У царицы была собака, описанная на полтора столетия раньше, чем всем известная собака Баскервилей.

Вольтер не создал жанра, но его Задигу свойственны и дедукция и наблюдательность детектива. Да и сам Вольтер, как известно, не чуждался судебных дел, героически вступившись за протестанта Каласа, оклеветанного католической церковью. Кстати, главная статья Вольтера носит название «Рассуждение о терпимости».

Близости к детективу не чурались и великие авторы. Недаром Уилки Коллинз был соратником Чарлза Диккенса: именно создатель Пикквика завершил свои труды незаконченной и вол-

Рисунон Эдуарда Манэ и стихотворению Эдгара По «Ворон».

нующей до сих пор «Тайной Эдвина Друда».

Но не в Англии и не во Франции появился первый герой, возведший дедукцию детективное мастерство в искусство. Общеизвестно, что детективный жанр начинается с трех блестящих новелл Эдгара По. Трагический поэт Америки нередко именуется «певцом кошмаров и ужасов». Но еще больше он стремился к прекрасной ясности, к прославлению человека и его ненасытного ума. Именно По в детективной новелле «Тайна Мари Роже» писал: «В моем сердце нет места вере в сверхъестественное».

Ненавистными для По были автоматизация мышления, лень мозга, умственная обломовщина. Герой рассказов По, детектив Дюпен, настаивал на свободе от штампа, на отказе от усложненного и нарочитого хитроумия (не поэтому ли он предпочитал простые шашки шахматам?). В «Украденном письме» письмо нашлось там, где его меньше всего искали,—на самом виду.

В полном согласии с По Г. К. Честертон написал рассказ о почтальоне, которого никто не замечал, потому что он был слишком обычным, примелькался.

Честертон написал и интересный очерк «В защиту детектива», где есть такие строки:

«...Многие вообще не представляют себе, что может быть хороший детектив... По-видимому, они считают, что писать о преступлении так же дурно, как его совершить. Этих нервных людей, в сущности, можно понять: действительно, в детективах не меньше крови, чем в шекспировых

драмах».

Тот же Честертон создал «странного детектива» патера Брауна. Браун не только следопыт. Он аналитик, философ, внешне смешной, маленький и круглолицый.

В рассказе об убийстве знаменитой актрисы три свидетеля сообщают на суде о том, что видели в глубине коридора силуэт убийцы. Поэт увидел женщину, майор — гориллу. Патер Браун говорит, что видел дьявола. Суд потрясен. Браун объясняет, что у католических священников края шляпы загнуты наподобие рогов. В конце коридора

«Судья откинулся на спинку кресла.

ин не узнали себя.

было зеркало: длинноволосый эстет и коренастый во-

— А можете ли вы объяснить, — спросил он, — почему вы узнали ваш собственный образ, когда двое таких замечательных людей не могли сделать этого?

Патер Браун несколько мгновений усиленно моргал глазами, потом пробормотал:

— Право, милорд, не знаю... Разве вот только потому, что я реже, чем они, вижу в зеркале свое отражение...»

Видеть обычное свежим, точным и свободным от обывательских шор взглядом учит, по мнению писателя, самый жанр детектива.

За сто лет до Честертона появился герой, если и видевший свое отражение, то разве что в воде. Натаниэль Бумпо, Кожаный Чулок, созданный гением Фенимора Купера, пленил весь мир. Конечно, в первую очередь пленило великолепное описание индейских племен (им восхищался и Пушкин), аромат и просторы прерий. Но герой пленял и умением читать следы, искать, делать выводы. В этом смысле и Холмса. Как предок ни знаменит дымный кабинет на Бэкер-стрит, но в рассказах Конан Дойля отлично описаны и туманные закоулки Лондона, и английские поместья, и угольные города Америки. Да и сам Холмс, бросив свое ремесло, удалился на лоно природы, занялся пчеловодством, написал солидный труд о разведении пчел с заметками относительно пчелиных маток, применив в наблюдении за роями маленьких тружеников опыт, почерпнутый в наблюдении за преступным миром Лондона (рассказ «Его последний удар»).

Но не будем говорить о мудрости Холмса. Скажем и о его глупости. О его непростительной ошибке.

Читатели Конан Дойля, знакомые с первым романом о Холмсе, «Этюд в красном», наверное, помнят гневную филиппику сыщика против наук. «Зачем мне история, если это не история судебных процессов? — восклицает друг Ватсона. — Зачем мне вообще ненужные сведения, ненужные науки, кроме химии, судебной медицины и знания почв?»

Последователи английского романиста старались исправить ошибку «классика». Герой романов Ван-Дайна Фило Вэнс знает решительно все на свете: от археологии до физики.

Но дело не в том, нужны ли детективу науки. Интересно то, что наукам пригодился... детектив.

Член-корреспондент Академии наук И. Е. Старик в одной из своих статей пишет: «Особое впечатление на меня произвели в девятом классе уроки логики, которые талантливый педагог проводил на примере увлекательных рассказов Конан Дойля. Впоследствии эти занятия оказали большое влияние на мою творческую деятельность в области радиохимии. Оказалось, что при изучении поведения вещества, когда за ним невозможно дать, применим тот же мекакой использовал тод, Шерлок Холмс».

А вот выдержки из статьи В. Ковалевского: «...Возникла догадка, что странные линии в спектре радиозвезды как раз «запрещенные». Но каким химическим элементам они соответствуют?

Началось форменное следствие. Вскоре один из «детективов»; профессор Джесс Гринстейн, напал на след...»

Впрочем, химию Холмс милостиво признавал. Но он отвергал историю.

В увлекательном романе английская писательница Жозефина Тэй рассматривает все сохранившиеся данные о пресловутом Ричарде III Горбатом; и ее герой детектив — приходит к заключению, что Ричард не был ни злодеем, ни захватчиком трона, ни горбуном. Дело объясняется просто: Елизавета, в царствование которой писал Шекспир, была внучкой Генриха VII, захватившего трон после победы над Ричардом.

Единственная ли это легенда в истории? Не сталкивались ли мы и в наше время с «творимыми легендами»? Не нужны ли и здесь дедукция, работа «детективного плана»?

Да простит мне великолепный литературовед Ираклий Андроников ссылку и на его труд! Впрочем, вероятно, автор книги о Лермонтове не обидится: недаром одна из его работ носит сугубо детективное название «Тайна Н. Ф. И.».

Во второй половине двадцатого века человеческое мышление шагнуло далеко вперед. Два-три признака, одно новое явление — и возникают догадки, гипотезы, выводы...

Наблюдательность и свежесть восприятия, смелость в предположениях и упорство в опытах и размышлениях, влечение к загадкам и к процессу их раскрытия... Не свойственны ли и эти черты человеку нашего времени?

Впрочем, человеку свойственно и другое. Например, украдкой пожирать «тэк'и» и вслух заявлять об их разлагающем влиянии. Или сравнивать Агату Кристи с Диккенсом (и, представьте себе, в пользу второго). Или же, начав читать детективный роман, не удержаться и заглянуть в конец (грех непростительный).

Чтобы такое искушение не овладело читателем этой, не претендующей на выводы статьи, конца в ней не будет.

Выводы пусть делает читатель